

Коломейцев Егор Александрович

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ЗНАКА

Статья посвящена вопросам теории знака, в частности, таким аспектам, как сложность трактовки термина "знак", восприятие как попытка интерпретации, причины семиозиса, а также проблеме интерпретации знаковых образований на разных уровнях. Целью статьи является сравнение подходов к концепту знака и интерпретация знака как дуального явления в плане отношения к объектам действительности. Делается вывод о том, что план выражения знака и план его содержания не всегда тождественны. Знаки абстрагированы от реальных объектов действительности и одновременно неразделимо связаны с ними, в чем выражается "дуальность" знака, проявляемая и на уровне выражения, и на уровне содержания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/4-3/25.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 4(58): в 3-х ч. Ч. 3. С. 94-99. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/4-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. Гималетдинова Г. К. Семантика и прагматика английского дефиса // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 152. № 6. С. 188-198.
2. Ефремова Е. М. Структурно-семантические и функциональные особенности многокомпонентных композитов в современном английском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2012. 19 с.
3. Иванова И. Е. Роль деривационного отражения в решении современных проблем композитологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (50): в 3-х ч. Ч. 1. С. 78-81.
4. Корытова О. М. Когнитивное пространство словосращения (на материале русского и английского языков): автореф. дисс. ... к. филол. н. Тверь, 2008. 18 с.
5. Крупнова Н. А. Многокомпонентные композиты немецкого языка [Электронный ресурс] // Культура и образование. 2014. № 11. URL: <http://vestnik-rzi.ru/2014/11/2562> (дата обращения: 10.03.2016).
6. Мешков О. Д. Словосложение в современном английском языке. М.: Высшая школа, 1985. 187 с.
7. Филдинг Х. Бриджит Джонс. Без ума от мальчишки / пер. с англ. В. Гришечкина. М.: Эксмо, 2014. 640 с.
8. Fielding H. Bridget Jones. Mad about the Boy. London: Random House, 2013. 260 p.

**MULTI-COMPONENT COMPOUND NONCE-WORDS
IN THE ENGLISH LANGUAGE: STRUCTURAL ASPECT**

Ishchenko Irina Gennad'evna, Ph. D. in Philology
Amur State University
iirinagen@mail.ru

The article deals with a productive way of word-building in the modern English language – the formation of multi-component compounds. The author describes the morphological peculiarities of these units and their structural types. It is concluded that the active usage of this word-formative technique can be explained by the development of the trends of analyticism in English and by the tendency for speech compression.

Key words and phrases: multi-component compounds; holophrastic complexes; composition; nonce-words; compression.

УДК 81'22

Статья посвящена вопросам теории знака, в частности, таким аспектам, как сложность трактовки термина «знак», восприятие как попытка интерпретации, причины семиозиса, а также проблеме интерпретации знаковых образований на разных уровнях. Целью статьи является сравнение подходов к концепту знака и интерпретация знака как дуального явления в плане отношения к объектам действительности. Делается вывод о том, что план выражения знака и план его содержания не всегда тождественны. Знаки абстрагированы от реальных объектов действительности и одновременно неразделимо связаны с ними, в чем выражается «дуальность» знака, проявляемая и на уровне выражения, и на уровне содержания.

Ключевые слова и фразы: знак; дуальность знака; семиотика; иконический знак; символ; семиология; семиозис.

Коломейцев Егор Александрович

Сибирский государственный университет путей сообщения
pro-english@mail.ru

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ЗНАКА

Слово *знак* использовалось задолго до начала научного исследования явления, обозначенного этим словом. Самое раннее письменно засвидетельствованное употребление этого термина принадлежит древнегреческому врачу и философу Сексту Эмпирику: «Знак – это суждение, основанное на веской и раскрывающей его суть связи с его следствием» [Цит. по: 3, с. 12]. По мнению Секста Эмпирика, восприятие чего-либо как знака прямо связано с неизвестным, сокрытым, тем, что ещё предстоит открыть и исследовать. Таким образом, семиотический философ – это тот, кто способен разглядеть контуры будущего [Там же].

В древнегреческом языке дериваты от слова *знак* имели значение «симптомы» или связанные с этим идеи, т.е. внешние признаки внутренних процессов (особенно болезней). Гиппократ, основатель медицины, для обоснования прослеживал, как пациент описывает болезнь. Таким образом, первоначально знак понимался как средство открытия чего-то скрытого и ненаблюдаемого, т.е. рассматривался как вход в неизвестное. Таково исконное, историческое значение этого слова [Там же].

Греческие философы-стоики разработали доктрину знака на основе языкового значения. По мнению Р. Якобсона, «в учении стоиков знак (*semeton*) рассматривался как сущность, образуемая отношением означающего (*semainon*) и означаемого (*semainomenon*). Первое определялось как “воспринимаемое” (*aistheton*), а второе – как “понимаемое” (*noeton*) или, если выражаться более лингвистично, “переводимое”» [6, с. 102]. В новое время этот подход возобновил и развивал Ф. де Соссюр.

Средневековое определение знака «*Aliquid quid stat pro aliquot*» / ‘что-то, что стоит вместо чего-то (другого)’ стало обычным уже в Новое время.

Наряду с этим, очевидна сложность трактовки термина «знак» в истории человеческой мысли. Знак – это сущность, по которой можно судить о существовании чего-то в настоящем, будущем или прошлом [3, с. 13]. Семиотическое пространство порождает семиотическую паутину, независимо существующую в восприятии. В свою очередь, восприятие является предпосылкой интерпретации. И то, и другое возникает как «прорыв» сознания и делает весь мир узнаваемым и наполненным семиотическим опытом. На наш взгляд, в историческом контексте справедлива идея о том, что существуют две стадии семиотического опыта: «естественная стадия» и «сознательная стадия».

«Естественная стадия» характеризуется невербальной коммуникацией внутри организма или между двумя и более организмами (клетками, тканями, многоклеточными организмами и т.д.). Термин «естественная стадия» используется по отношению как к биологическому миру, в котором мы сосуществуем со всеми организмами, так и к специфическому миру человеческого разума, а именно способности отражать реальность в уме. Термин «сознательная стадия» предполагает мир символов, системы мыслей и учреждений, полностью созданный человеком и характерный для человеческой культуры и цивилизации.

Общая черта, объединяющая обе стадии (в терминах Данези – фактический мир и мир артефактов), – это моделирование. Как отмечает Т. А. Себеок, «все организмы общаются при помощи моделей (*Umwelten* или *self-words*, соответствующих виду и специфике органов чувств) от простейших манёвров до самых сложных космических теорий Ньютона и Эйнштейна (*перевод автора – Е. К.*)» [12, р. 21].

Тейяр де Шарден утверждает: «Эволюция, признали и допустили мы, – это восхождение к сознанию. Это не оспаривается даже самыми яркими материалистами. Значит, эволюция должна достигать кульминации впереди в каком-то высшем сознании» [5, с. 204]. В любом случае общность природы живых существ, представленная в виде матриц, передаётся в пространстве и времени. Ранее это считалось основанием теории эволюции. В работе «Размышления над строением тела» (1762) С. Бонне пишет: «Я принял эволюцию как принцип, наиболее согласующийся с фактами и со здоровой философией. Я предположил, что всякое организованное тело предшествует оплодотворению зародыша (*la fecundation*) и что последнее лишь только запускает развитие организованного целого, начертанного в плане заранее в миниатюре в семени или в яйце. Я всё больше убеждался в том, что когда-нибудь будет доказано предсуществование зародыша в самке и что семенной дух ничего не порождает (*перевод автора – Е. К.*)» [7, р. VIII]. Таким образом, догадка прошлого заключалась в том, что моделирование – это базовый принцип наследования. Биологические образцы узнаваемы благодаря декодированию знаков [3, с. 15].

Процесс моделирования лежит в основе создания любой новой письменности, включая алфавиты [4]. Например, древний индоевропейский язык, хеттский, использовал заимствованные шумерские клинописные знаки, шумерограммы, которые не произносились, а скрывали слова индоевропейского происхождения, до сих пор нам не известные (например, «женщина», «корабль», «медь»). Шумерские клинописные таблички служили матрицами для создания письменного высказывания на языке хеттов и, вероятно, обозначали на письме исконно индоевропейские звучания. Следовательно, их появление можно рассматривать как матричное копирование. Использование шумерограмм в хеттском языке напоминает нам, как происходит синтез наследственных молекул путём матричного копирования. Основной тезис таков: в качестве матрицы для гена нового поколения используется ген предыдущего поколения. Есть определённое сходство в таком типе хранения негенетической информации. В случае с хеттской письменностью можно говорить об источнике шумерограмм – шумерских табличках, которые сохраняли сведения о шумерском языке и использовались в качестве образцов для кодированной записи.

Подобное матричное копирование, главным образом в смысле графики, использовалось греками, когда они заимствовали древнефиникийские буквы, которые творчески приспособили к первому алфавиту – древнегреческому письму. Однако греки были первыми, кто рассматривал звуки как линейную последовательность. Финикийский перечень служил для них матрицей и не был тем, что мы привыкли обычно называть алфавитом, т.е. письмом, которое изображает слова в фонетической последовательности и закрепляет специальный знак за каждым из элементов, за гласными так же, как и за согласными. Таким образом, финикийская матрица была использована греками для создания нового типа письма, свойственного всем индоевропейским языкам [8, р. 26].

Резюмируя сказанное, отметим параллельность процессов в биологических субстанциях и культурных сообществах. Возникает вопрос, одинаковы ли причины, лежащие в основе развития знаковой активности, – семиозиса? Вопросы, что такое знак и чем занимается семиотика, имеют много разных ответов. Один из них гласит: что-либо является знаком лишь потому, что оно интерпретируется каким-нибудь интерпретатором как знак чего-то. Таким образом, семиотика не связана с изучением особого предмета, а занимается обычными объектами и лишь постольку, поскольку они участвуют в семиозисе [Ibidem, р. 20].

Впервые термин семиозис использовал американский учёный Ч. С. Пирс для обозначения любого знакового действия или знакового процесса вообще [Ibidem, р. 179]. Пирс не только придумал термин для знаковой активности, но и инициировал исследование в области семиотики, создав уникальную теорию знака, сохраняющую актуальность и по сей день. Теория Пирса – это один из двух фундаментальных подходов к проблеме знака. Другая концепция принадлежит швейцарскому лингвисту Ф. де Соссюру. Её теоретический фундамент был изложен уже после смерти автора в классическом труде «Курс общей лингвистики», составленном последователями Соссюра по студенческим конспектам лекций учёного в Женевском университете.

Оба подхода заложили основы современной семиотики, а их авторы рассматриваются как основатели семиотики как науки, несмотря на то, что они по-разному понимали её предмет. Примечательно то, что теории

провозвестников семиотики отличаются не только разным подходом к понятию знака, но и названием науки, которую они создавали. Соссюр предложил термин *семиология*, в то время как Пирс придерживался ныне широко используемого термина *семиотика*. Оба учёных почти одновременно и всё же независимо друг от друга констатировали необходимость этой науки и очертили круг её проблем: Пирс – в Соединённых Штатах, Соссюр – в Европе [3, с. 17]. Само название науки Пирса о знаках восходит к античному *semitoteke*; он одобрял и широко использовал опыт древних и средневековых логиков, «мыслителей наивысшего порядка», сурово осуждая привычную «варварскую ярость» против «замечательной проницательности схоластов».

Пирс, логик и аксиоматик, строил теорию знаков, чтобы установить в ней логику. Он писал, что логика в общем смысле – это иное название семиотики: необходимая или формальная доктрина знака, основанная на абстрактном созерцании. Для Пирса «семиозис» – это неизменно троичный процесс, в котором объект является причиной знака самого себя, и, в свою очередь, этот знак приводит к порождению интерпретанты. Эта интерпретанта порождает другую интерпретанту и так *ad infinitum*. Таким образом, семиозис – это процесс, в котором вырабатывается потенциально бесконечная последовательность интерпретант.

Итак, концепция знака Пирса ориентирована на изменяемую модель коммуникации и наблюдения. Знак постигается, переживается и интерпретируется. Семиозис постоянно обновляется и предполагает непрерывность. Доктрина Пирса – это динамическая модель. Всегда есть что-то первое, и это – репрезентант. Он находится в отношении ко второму, называемому его объектом, обладающему способностью детерминировать третье, называемое интерпретантой. Тем не менее, рассудительные семиотики добавляют к этой триаде четвёртый компонент – ноль. Ноль – это колыбель знака. Классической триаде Пирса (один, два, три) предшествует ноль, «та пустота, из которой появился знак (*перевод автора – Е. К.*)» [10, р. 31]. Ноль также является предпосылкой «конечной интерпретанты», которая в теории Пирса должна быть определена в конце процесса как истинная интерпретация, когда достигается окончательное уразумение.

Знак по Пирсу показан таким образом, что наглядно можно представить его непрерывность в пространстве и времени, а также ротацию его компонентов. Каждый из трёх компонентов знака может стать любым из двух его компонентов в зависимости от обстоятельств. Вращением иллюстрируется, как нечто взаимозависимо взаимодействует с интерпретантой, – такая корреляция служит для порождения другого знака и, следовательно, процесс возобновляется снова и снова [10].

Подход Пирса предполагает наличие нескольких слоёв в типе знака, участвующего в семиозисе. Знак приобретает измерения: «глубину», «ширину», «длину», как если бы он был пространственным феноменом или некой иерархией.

В то время как теория Пирса – это описание процесса, Соссюр в рамках своей «семиологии» рассматривает конечную интерпретанту – фасету, установленную законом и обычаем. Следуя положениям классических трактатов, Соссюр опирается на средневековую концепцию знака и приспособливает её чисто к лингвистическим целям. Правда, он считает, что она будет иметь междисциплинарное положение в науке в целом, поэтому Соссюр предлагает новую дисциплину – семиологию, связанную с изучением знака.

Лучше всего теория знака по Ф. де Соссюру применима к языку и представляет разновидность конечного воплощения семиозиса, когда знак рассматривается относительно другого знака как линейная сущность. Знак Ф. де Соссюра – это двусторонняя психологическая единица, которая может быть представлена в виде иллюстрации (Рис. 1).

Рис. 1. Знак по Ф. де Соссюру

В терминах схоластики Ф. де Соссюр представляет нам отношения между двумя *relata* / «релатум»: означаемым и означающим, называя знаком сочетание понятия и акустического образа, но в обычном использовании этот термин в основном означает звуковой образ, слово, например *arbor* / «дерево» (лат.) и т.д. В данном случае люди имеют склонность забывать, что *arbor* называется знаком только потому, что слово имеет значение «дерево», вследствие чего идея через ощущение становится знаком целого [3, с. 28].

Находясь под влиянием классических канонов, Соссюр использует средневековую концепцию и адаптирует её для лингвистики. Соссюр полагает, что новая дисциплина будет носить междисциплинарный характер. Его теория знака основана на условных отношениях между символом и референтом. Разъясняя этот тезис, Ролан Барт, французский семиолог и последователь Соссюра, писал в работе «Основы семиологии»: «В самом деле, обозначение (*semiosis*) не объединяет две односторонние сущности, не сближает два самостоятельных члена по той простой причине, то и означаемое и означающее, каждое одновременно является и членом и отношением» [1, с. 135].

Соссюр рассматривал знак как ментальную категорию, хранящуюся в сознании и являющуюся частью некоторой более крупной системы (системы языка) и обладающую способностью выступать сущностью помимо сознания (как, например, числа).

Парадокс теории Соссюра в том, что лингвистический знак может быть понят только в его тотальности, то есть, в оппозиции, по крайней мере, к другому знаку. Действие знака на мышление – это процесс многочисленных связей или соединений нескольких конечных интерпретантов, которые приобретают право на существование только в единстве (фонемном, коннотационном, синтагматическом, парадигмах означаемых, парадигмах означающих). Кажется, Р. Якобсон был точен, когда проиллюстрировал этот процесс примером в работе «В поисках сущности языка»: «Во французском языке слово *ennemi* ‘враг’, как констатировал Соссюр, “ничем не мотивируется”; однако же в выражении *ami et ennemi* ‘друг и враг’, от француза едва ли ускользнет сходство двух сопологаемых рифмующихся слов. Англ. *father*, *mother* и *brother* нельзя разделить на корень и суффикс, но второй слог этих терминов родства воспринимается как своего рода звуковой намек на их семантическую близость. Не существует синхронных правил, которые в английском управляли бы этимологической связью между *ten*, *-teen* и *-ty*, как и между *three*, *thirty*- и *third* или *two*, *twelve*, *twenty*, *twi*- и *twin*, но все же эти формы и сейчас связываются в серии через очевидное парадигматическое родство. Какой бы знаменательной ни была звуковая форма слова *eleven*, все же улавливается некоторая связь со звуковой структурой числительного *twelve*, которая поддерживается непосредственным соседством обоих числительных» [6, с. 112].

Восприятие знака интерпретатором предполагает, что последний способен различать объекты, которые вызывают ощущения. По мнению Б. Рассела, «реальный стол, если таковой имеется, – это не то же самое, что мы непосредственно ощущаем зрением, прикосновением или слухом. Реальный стол, если таковой имеется, познаётся нами вовсе не непосредственно, а должен быть постижением того, что непосредственно воспринимается» [Цит. по: 3, с. 33]. Поэтому интерпретатор находится в постоянном поиске некоторого соответствия: он осознаёт некую иерархию в ментальности, являющуюся результатом взаимосвязи физического пространства и пространства индивида.

Теории Ч. С. Пирса и Ф. де Соссюра развивались как фасеты одного и того же феномена: как принципиально разные стадии семиозиса. Корреляция реальности знака у Пирса была близка условности знака у Соссюра. Теория знака Пирса основана на направлении семиозиса от объекта к сигнификации, у Соссюра сигнификация исключает связь с реальностью. Можно сделать вывод, что знак Соссюра – это статистическая часть системы, опирающаяся на значимости, в то время как знак Пирса – сложная многослойная сущность, имеющая уровень проникновения в реальность; знаки Соссюра расположены на одном и том же языковом уровне сознания.

В концепции конвенциональности знака Ф. де Соссюра скорее подчёркивается произвольность, немотивированность связи между означаемым и означающим языкового знака.

Как мы подчеркивали ранее, согласно другой точке зрения, представленной, например, в работах Ч. Пирса, отношения между означаемым и означающим могут носить не только произвольный, но также непроизвольный (мотивированный) и индексальный характер.

В частности, так называемые иконические знаки, будучи мотивированными в наибольшей степени, формируются на основе подобия означаемого и означающего знаков, индексальные знаки создаются по принципу смежности формы и значения, а символические знаки порождаются установлением связи означаемого и означающего знаков по условному соглашению между говорящими, т.е. произвольным образом.

В иерархии иконический знак – индекс – символ степень зависимости знака от аналога, существующего в реальном мире или в сознании человека, последовательно уменьшается от иконического знака к символу. Иконический знак и символ находятся на различных полюсах знаковой системы.

Иконические знаки представлены образами, диаграммами и метафорами. Степень иконичности уменьшается от образа к метафоре. Образ является отражением простых качеств означаемого в означающем. Примерами образа могут быть рисунки, картины, фотографии, скульптуры. Так, рисунок животного основан на сходстве с самим животным. В системе языка иконические знаки – образы обнаруживаются на фонетическом уровне, в так называемых ономотопах, или звукоизобразительных словах. Такие слова, как английские: *growl* / рычание, *grunt* / хрюканье, *grumble* / грохот; немецкие *grelle* / резко звучать, *grunzen* / хрюкать, *grapschen* / лапать; шведские *grumsa* / ворчать, *gripa* / хватать, объединённые общим семантическим признаком «неприятное для слуха и для глаза», представляют собой иконические «образы». В них актуализируется мотивированная связь между сочетанием «неприятных, резких» звуков – заднеязычного *g*- и сонанта *r*- и фитосемантических признаков издавать грубый, неприятный звук (хрюкать, бурчать) и делать резкие, грубые движения (хватать) [2, с. 52].

В. Н. Конецкая, подробно исследовавшая эти лексемы, считает консонантное сочетание *gr-* не только смыслоносителем, но и некоторым звукообразом, идеофоном.

Исследования процесса онтогенеза языкового знака подтверждают тезис о неразрывной связи и взаимодействии между символической и иконической функциями знака. Широко известно, что сообщение в древнем обществе передавалось универсальным образом, посредством конкретного представителя трудового акта, или реального предмета, входящего в этот трудовой акт. В качестве такого представителя из ряда жестов и действий выделяется всеобщий эквивалент – звук или совокупность звуков, которые являются естественным сопровождением всякой деятельности человека. Звуки формировали морфемы, морфемы – слова, слова – предложения, т.е. элементы знаковых: лексического, грамматического и текстового кодов языка [Там же, с. 53].

Знаки лексического уровня, сформированные из фонем, выступали в качестве основной формы отражения физической реальности в мысли человека и представляли собой производное от этой реальности, т.е. содержали в себе материальные и / или идеальные признаки сходства с замещаемыми предметами или

действиями. При естественной связи между предметами и знаками лексического кода соотношение между компонентами данных знаков воспринималось как изоморфное.

Одновременно лексические знаки представляли собой символы, т.е. объекты, созданные в ходе коммуникации для фиксации результатов коммуникативной деятельности и выполняющие функцию замещения определенного предмета действительности или его признаков. Процесс символизации знака, следовательно, был предопределен абстрагирующей деятельностью человеческого мышления.

Таким образом, языковые знаки, выполняющие коммуникативную функцию, с одной стороны, абстрагированы от реальных объектов действительности, которые они обозначают, а с другой стороны, тесным образом связаны с ними.

Иконичность слова была напрямую связана с иконичностью предмета в доисторических сообществах. Известно, что мифопоэтическое мышление не знало различий между субъектом и объектом, человеком и природой, живым и неживым, именем и замещаемым им предметом. Стремление установить между разными объектами естественную связь на ассоциативной основе являлось наиболее яркой чертой мышления древнего человека. У племени аранта, например, было принято окрашивать камень охрой, если хотят получить саму охру, или ударять человека камнем по животу, чтобы сделать человека жестоким, т.е. передавать качества одного объекта другому.

Аналогичным образом происходит установление естественной связи между обозначаемым объектом и именем – с помощью мотивированной значением материальной формы языкового знака. На наличие данной связи указывают языковые репрезентации, в которых уподобляется человеческое тело и неживая природа. Так, например, в германской поэзии голова человека соплагается с небом, ср. древнеанглийское *heafod* / 'голова' – *hador* / 'ясное небо', а пальцы – с ветвями, ср. древнеанглийское *ta* / 'палец ноги' и *ta* / 'отросток дерева'. Вода названа кровью земли, камни и скалы – костями, трава и лес – волосами земли.

Эти и подобные им аналогии определяются когнитивными особенностями архаического мышления, которое является по преимуществу пространственным, образным, правополушарным. Для него характерна холистическая стратегия обработки поступающей информации, которая позволяет сопоставить целостные образы – предметы объектов и ассоциировать их в единый образ.

При этом мифологическое сознание нередко идет по пути переноса социальных форм организации, характерных для кровнородственных отношений, на природу в целом.

Древний человек не отделяет себя целиком от природы, и эту связь иконически отражают созданные человеком элементы знаковых подсистем языка. Как показывает анализ древнеанглийского лексикона, связь по сходству и смежности обнаруживаются в таких сопряженных реалиях действительности, а, следовательно, и в «замещающих» их словах, как рождение и двойственность (*begen* / 'оба', *bærn* / 'дитя', *bære* / 'рожденный', *blæd* / 'жизнь'), часть и целое, личность и коллектив (*cyn* / 'род', *ge* / 'вместе', *gaderian* / 'собираться вместе', *gyt* / 'вы оба'), предки и начало (*fæder* / 'отец', *folc* / 'семья, народ', *fyrst* / 'первый'), земля и небо (*hæl* / 'ад', *hador* / 'небо'), гармоничность и множественность (*lagu* / 'закон', *læl* / 'лель', *leod* / 'народ', *lufian* / 'любить'), человек и смерть (*man* / 'человек', *mægen* / 'родственник', *mort* / 'смерть'), женщина и водная стихия (*wif* / 'жена', *wæter* / 'вода'), установление и смерть, старость (*stapol* / 'столб', готское *sineigs* / 'старый').

Иконичность макротекста, зафиксированного в древнем лексиконе, состоит в том, что содержательные пласты словаря отражают единую концептуальную систему архаических представлений о генезисе сущего, иконически маркированную посредством одинакового консонантного начала слога, общего для совокупностей лексем. При этом так называемые *w*-лексеммы отражают концепты начала сущего, перехода от хаоса к порядку, а *h*- и *s*-лексеммы содержательно фиксируют сотворение космоса и мира.

Исходный фрагмент концептуальной модели мира англосаксов «хаос – пустота» представлен в древнеанглийском лексиконе в системе *w*-лексики. Общее содержание данного пласта лексики трактуется в рамках космогенетического кода как переходное состояние от хаоса, небытия, мировой бездны к бытию, космосу, порядку, а в системе социо- и антропогенетического кодов рассматривается как начало генезиса рода и человека и включает разнообразные концептуализации исходной ступени мироустройства и развития человека.

Абстрактные понятия пустоты, отсутствия, обширного пространства, темноты, связанные с началом все-го сущего, представлены в системе *w*-лексики существительными и прилагательными на *w*-: *wan* (бледный), *waste* (пустыня, пустошь), *wide* (широкий). Как правило, эти лексеммы характеризуются аллитерацией, в которой естественная общность формы и значения языкового знака выявляется в полной мере.

В заключение следует отметить, что интерпретация знаковых образований звукового, лексического, грамматического и текстового уровней вскрывает двойственную – иконическую и символическую – природу языковых знаков. Содержание иконических элементов в составе лексического знака увязано с древними концептами-архетипами, отражающими ассоциативные связи между предметами и явлениями действительности, в частности, между феноменами воды и женского начала, хаосом мироздания и болезнью человека, установлением космоса и установлением закона. Вместе с тем, несмотря на существование сильнейших коннотативных областей, связанных со звуковыми повторами инициальных консонантных начал в лексиконе, система словаря не может быть сугубо иконической. Она представляется, прежде всего, конвенциональной, а лексеммы, направленные на передачу денотативного / сигнификативного содержания, – арбитрными, или символическими (в понимании Ч. Пирса) знаками. Признание двойственной природы языкового знака позволяет преодолеть неразрешимые, на первый взгляд, противоречия, возникающие при односторонней интерпретации знака. В самом деле, совмещение в пределах языкового образования как изоморфно, так и конвенционально сочлененных компонентов делает знак не застывшей, а динамической сущностью, отражающей сложный и порой противоречивый ход человеческой мысли [2].

Таким образом, рассмотрев различные подходы к знаку как явлению, мы пришли к выводу о том, что знак в плане своего выражения не всегда тождественен плану содержания. Наиболее важную роль здесь играет концептуальная модель мира в данный момент времени в сознании индивида. Будучи абстрагированными от реальных объектов действительности, обозначаемых ими, знаки, с другой стороны, неразделимо связаны с ними, поэтому мы можем говорить о своего рода знаковой «дуальности». Соответственно, подтверждается предположение, что «дуальность» плана выражения знака не тождественна «дуальности» плана его содержания.

Список литературы

1. **Барт Р.** Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против»: сборник статей / пер. с англ., франц., нем., чешского, польского и болгарского языков. М.: Прогресс, 1975. С. 114-163.
2. **Знак. Слово. Текст: семиотические аспекты языковых единиц разных уровней:** коллективная монография. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2001. 204 с.
3. **Проскурин С. Г.** Курс семиотики. Язык, культура, право: учебное пособие. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2013. 226 с.
4. **Степанов Ю. С., Проскурин С. Г.** Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия. М.: Наука, 1993. 158 с.
5. **Тейяр де Шарден П.** Феномен человека. М.: Наука, 1987. 240 с.
6. **Якобсон Р.** В поисках сущности языка // Семиотика / сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю. С. Степанова. М.: Радуга, 1983. С. 102-117.
7. **Bonnet Ch.** Considerations sur les corps organizes: 2 tomes. Geneve: Kessinger Pub LLC, 1762. XV+280 p.
8. **Colapierto V. M.** Glossary of Semiotics. N. Y.: Paragon House, 1993. 192 p.
9. **Kristeva J.** Language: the Unknown: An Initiation into Linguistics. Columbia: Columbia University Press, 1989. 380 p.
10. **Merrell F.** Charles Sanders Pierce's Concept of the Sign // The Routledge Companion to Semiotics and Linguistics / Copley P. (editor). N. Y.: Routledge, 2001. P. 28-39.
11. **Morris Ch.** Formations of the Theory of Sign // International Encyclopedia of Unified Science. Chicago: The University of Chicago Press, 1938. Vol. 1. No. 2. P. 77-137.
12. **Sebeok T. A.** Signs: An Introduction to Semiotics. Toronto – Buffalo – London: University of Toronto Press, 2001. 193 p.

ISSUES OF THEORY OF SIGN

Kolomeitsev Egor Aleksandrovich
Siberian Transport University
pro-english@mail.ru

The article is devoted to the theory of sign, in particular, such aspects as the complexity of the interpretation of the term “sign”, perception as an attempt of interpretation, the reasons of semiosis, as well as the problem of the interpretation of sign formations at different levels. The aim of the paper is to compare approaches to the concept of sign and the interpretation of sign as a dual phenomenon in terms of attitude to the objects of reality. The conclusion is made that the sign plan of expression and the plan of its content are not always identical. Signs are abstracted from the real objects of reality and at the same time inextricably linked to them, and in this way the “duality” of the sign manifested both at the level of expression and at the level of content is expressed

Key words and phrases: sign; duality of sign; semiotics; iconic sign; symbol; semiology; semiosis.

УДК 81

Данная статья посвящена феномену языковой личности (ЯЛ) как центральному объекту изучения многих наук и научных направлений, рассмотрению структуры языковой личности и способам репрезентации ЯЛ в шоу-дискурсе. Одним из важных средств репрезентации ЯЛ в дискурсе являются ее дискурсивные доминанты. В статье рассматривается нумеральность (как одна из дискурсивных доминант ЯЛ) и способы ее выражения в российском шоу-дискурсе.

Ключевые слова и фразы: языковая личность; структура языковой личности; дискурсивные доминанты; количественность; нумеральность; микрополе нумеральности; эксплицитность; имплицитность.

Колтышева Светлана Яковлевна, к. филол. н.
Челябинский государственный университет
legend74@mail.ru

НУМЕРАЛЬНОСТЬ В ДИСКУРСЕ ЯЗЫКОВЫХ ЛИЧНОСТЕЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОГО ШОУ-БИЗНЕСА

Сегодня языковая личность является центральным объектом исследования многих наук: философии, психологии, персонологии, лингводидактики, психолингвистики, стилистики, лингвокультурологии, когнитивистики, коммуникативной лингвистики, лингвоперсонологии и др. Пройдя три важных этапа в своем развитии («исторический», «психологический», «системно-структурный»), языкознание оказалось на новом этапе –